

Тетради

Русской экспертной школы

2017 № 2

Москва
Русская экспертная школа
2017

УДК 316.75(470+671)
ББК 60.0(2Рос)
ТЗ7

Партнёры:

Всемирный русский народный собор
Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

Книга издана при финансовой помощи
Фонда просвещения «МЕТА»

ТЗ7 **Тетради Русской экспертной школы** : научное издание / Под ред. В.А. Щипкова. – М. : «Русская экспертная школа», Пробел-2000, 2017. – 120 с.

ISBN 978-5-98604-610-5

Настоящий номер Тетрадей Русской экспертной школы представляет собой сборник экспертных позиций, обсуждавшихся на семинаре Школы 18 февраля 2017 года. В этом номере рассматриваются следующие вопросы: кто создаёт современных «литературных классиков», что нам даёт представление о России как о стране-цивилизации, каковы истоки русофобии в США, чем «компетенции» угрожают знаниям в современных образовательных подходах и как христианский взгляд влияет на историческую память в России.

Наши электронные контакты:
ruseschool@yandex.ru
vk.com/ruseschool

ISBN 978-5-98604-610-5

© Русская экспертная школа, 2017.
© Щипков В.А., 2017.
© «Пробел-2000», 2017.
© Фонд просвещения «МЕТА», 2017.

Содержание

В.Н. Расторгуев

Что нам даёт представление о России
как о стране-цивилизации? 5

Е.А. Белжеларский

Литературные премии и идеология
(как делают «классиков») 31

Д.О. Дробницкий

Истоки русофобии в США 51

А.П. Козырев

Компетенции вместо знаний:
работает ли болонская система в России 80

В.А. Щипков

Язык и время: на каком языке
мы будем разговаривать в XXI веке 113

ЯЗЫК И ВРЕМЯ: НА КАКОМ ЯЗЫКЕ МЫ БУДЕМ РАЗГОВАРИВАТЬ В XXI ВЕКЕ

Глобальные изменения в жизни людей, смена технологических укладов, войны, революции, кардинальная смена власти в ведущих странах всегда находили отражение в языке, если его понимать в широком смысле как способ мыслить и действовать. Ещё недавно доминировал язык, сложившийся во второй половине XIX — начале XX века. Это, если говорить сжато, смесь рационализма и авангарда, язык Ницше, язык модерна и его постмодернистских вариаций.

Особенности языка прошлого столетия берут начало ещё в литературе XIX века. В произведениях А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, в публицистике, философских работах уже употреблялись ставшие вскоре ходовыми слова и термины — «социализм», «коммунизм», «демократия», «либерализм», «права», «нация», «прогресс», «империализм». Ещё до начала Серебряного века и Первой мировой войны, ставшей точкой отсчёта новой реальности, они употреблялись в том смысле, в котором мы их понимаем до сих пор. Позже они были отягощены политическими процессами XX века, но в смысловой основе не изменились.

Это были сильные термины, они магически воздействовали на людей, обладали энергией, которая захватывала, отражала идеологию и дух революционной эпохи. Сила нового языка меняла многие понятия, ложась в основу политической и идеологической архитектуры XX века. Ведь в широком смысле язык — это способ мыслить и действовать, который включает в себя идеологию, культуру, ценности и веру. Когда идеология становится частью языка, она перестаёт осознаваться: из объекта превращается в метод познания.

В переломные периоды истории язык переживает глубокую трансформацию. Его внутренние, идеологические и ценностные изменения зачастую искажают и его физические формы: грамматику, орфографию, фонетику, даже шрифт. В начале прошлого столетия под натиском модернистских и революционных идей русский язык сполна испытал это на себе. Вспомним советский новояз. Или попытку заменить дни недели революционным пятидневным календарём, где не было ни субботы, ни воскресенья. Или авангардизм и ОБЭРИУТСТВО¹ в поэзии, которые на теле культуры словами высекали новые параметры красоты. ОБЭРИУТЫ говорили о себе: «Мы — творцы не только нового поэтического языка, но и созидатели нового ощущения жизни и её предметов». Трудно ответить на вопрос, кто кого созидал: поэты время или время поэтов. Но то, что время наполнилось новым духом, тогда ощущали все. Натиск этого духа на русский язык был столь сильным, что тот навсегда изменил свой облик, разделив историю на «до» и «после». Именно в нём было заложено всё то, чем нам запомнился ХХ век, — рубленый шрифт без засечек, радикальный модернизм в мышлении и секуляризм в сфере нравственности и образования.

Ныне мир рывками вступает в XXI век, что отражается и на политическом языке. Русские перешли в новое столетие в 2014 году после воссоединения с Крымом, англичане — 23 июня 2016 после решения выйти из ЕС (Brexit), американцы — 9 ноября 2016, когда избрали президентом Трампа, европейские государства в процессе перехода. Каждый такой переход связан с поиском нового языка, который сможет адекватно описать реальность и назвать вещи своими именами, уйдя от риторических клише гаснущих идеологий.

---

¹ ОБЭРИУ — Объединение реального искусства, неформальное движение писателей, поэтов и художников, существовавшее в советском государстве в 1927 – начале 1930-х годов. Её основали молодые поэты Д. Хармс, А. Введенский, Н. Заболоцкий и другие. ОБЭРИУ двигалась в русле творческого авангарда того времени и ставила задачу продолжить революцию в языке через слом литературных и поэтических традиций через искусство абсурда и отмену логики и т.п. Многие участники ОБЭРИУ и их родственники были позже репрессированы, погибли в заключении.

Нарастающие конфликты — результат попыток истеблишмента ряда государств говорить на языке XX века и сохранять статус-кво устаревшей парадигмы в ущерб международной безопасности. Уклонение значительной части мировых элит от ответственности за судьбу нового столетия, отсутствие ясной и приемлемой модели будущего, понятных всем слов для её описания ведёт к росту мировой турбулентности и расширению зоны мирового хаоса. Пережить современный кризис и укрепнуть смогут только те народы, которые подберут точные и сильные слова для описания современной реальности. В связи с этим язык как мировоззренческая парадигма становится ключевым объектом информационных и, в частности, медийных войн.

Так на каком же языке будет разговаривать XXI век, и какие ценностные категории будут востребованы?

Этот язык можно назвать постсекулярным. Если в XX веке люди воевали за равноправие и гражданские права против империй и «недемократических режимов», то в XXI — за религиозные и духовно-нравственные ценности против режимов секулярных. Всё более востребованы религиозные традиции, а богословские понятия и ценности всё ощутимее становятся частью политики. Если прежде религия была периферийным дискурсом и вечной антитезой главенствующей секулярной культуры, то в XXI веке периферийными станут секуляризм и сциентизм (отстаивающий научное знание как наивысшую культурную ценность).

Язык XXI века — это постсекулярный язык. Он приходит на смену секулярному языку, который в XX веке доминировал и вытеснил традиционную религиозность из светского пространства.

У постсекуляризма ряд источников. Один из них — неоязычество, оно вдохновляет неонацизм и возрождает праворадикальные и регионалистские политические идеи. Энергия этого языка способна не только воодушевлять футбольных фанатов, но и устраивать цветные революции. Неоязыческий символизм берут на вооружение многие современные правые политические партии и движения

регионалистов. Если первые стремятся к усилению национальной независимости от глобалистских структур управления, то регионалисты рвутся к независимости от самих национальных государств, опираясь на вновь создаваемую региональную мифологию. С её помощью они конструируют и сакрализуют новые региональные идентичности и конвертируют их в политический ресурс.

Второй источник нового языка — в исламских традициях. В последние годы международный терроризм пытается присвоить этот язык себе. И надо признать, что как бы риторика запрещённого в России ИГИЛ ни резала наш слух, её притягательная для некоторых людей энергетика объяснима. ИГИЛ открыто говорит с постхристианским обществом на шокирующем языке агрессивной религии, борясь за собственные идеалы красоты, справедливости, добра и зла. Западной секулярной цивилизации подчас нечего противопоставить этому. Люди попадают под влияние идеологов ИГИЛ, потому что те дают свою целостную, религиозную картину мира. Вот некоторые названия номеров игиловского англоязычного интернет-журнала «Дабик», используемого для вербовки: «Потоп», «Провалившийся крестовый поход», «Закон Аллаха или законы людей», «Разбить крест». А такие выражения, как «кровь праведников», «джихад благочестивых», «борьба с армией крестоносцев», «апостасия» (отступничество от Бога) звучат там убедительней, чем творчество известного французского журнала карикатур, — особенно для молодых людей, не имеющих жизненных перспектив или разочарованных в окружающем постмодернистском мире. Однако терминологии и идеям ИГИЛ может быть противопоставлена только религиозная терминология. Поэтому можно предвидеть, что в борьбе с языком террористов укрепится язык мирного ислама, который рано или поздно выдвинет свой проект по реформированию западной культуры.

Одновременно с этим в постхристианских странах намечается процесс христианского возрождения — третий источник нового языка.

Как и сто лет назад, Россия сегодня первой не побоялась заговорить на новом языке. Помимо массы англоязычных слов, наводнивших нашу речь, неотъемлемой частью современного русского языка уже стали церковные, религиозные и богословские термины. Стали звучать названия православных праздников, церковных чинов, богослужебных предметов. Всё чаще слышен язык проповеди, в основе которого термины и цитаты из Писания и Предания. Восстановленные храмы преобразуют язык социокультурного ландшафта наших городов, а обращение к судьбам новомучеников и исповедников восстанавливает духовную связь времён.

Однако изменения в языке связаны не только с возвращением каких-то дореволюционных терминов («духовенство», «пост», «прихожане», «паломничество»), но и с наполнением базовых культурных понятий новым, религиозным звучанием. В их числе — «семья», «вера», «любовь», «справедливость», «свобода», «милосердие», «самоограничение», «жертвенность», «единство» и другие. В официальных документах и публицистике их всё чаще определяют как традиционные ценности, которые обладают непреходящим, надысторическим характером. Эти ценности становятся и полем сражения, и политическим ресурсом.

Поиск религиозных оснований культуры становится востребованным с закатом секулярной эпохи, когда утилитарная этика, то есть светская, рациональная и относительная, уступает место этике трансцендентной — абсолютной, религиозной.

Этот процесс отражают и скандалы, например, вызванные законом о запрете пропаганды идей ЛГБТ среди несовершеннолетних, осуждением плясок в храме Христа Спасителя, спектакля «Тангейзер» или фильма «Матильда». Всё это не околоцерковные скандалы: речь идёт о конфликте между традиционным религиозным языком и секулярным языком либерального модерна.

Однако модерн как проект закончился. Его современные, постмодернистские формы утратили за вторую половину XX века следы

христианских оснований. Если модерн — это христианство без Христа, то постмодерн — это модерн без христианства. Язык демократических ценностей перестал мотивировать людей. Существующие в нём ценностные понятия сначала перестали означать сами себя, затем стали означать нечто противоположное себе. При сохранении их словесной формы произошла деформация смыслов, разложенных провозглашённой относительностью морали. Слова из заповедей блаженства и проповедей Христа по-прежнему используются во всех европейских языках, однако уже лишены абсолютного, религиозного содержания.

Таким образом, постсекулярный язык — это язык, основанный на ценностях религиозных культур, который снова будет способен воодушевлять. Огромное влияние на него окажет христианство, но не только и не столько через специальные богослужебные или богословские термины. Новый язык — это наполнение важных для общества понятий традиционным, христианским смыслом, восстановление современного социокультурного пространства, опустошённого модерном и его постмодернистскими практиками.